МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

КАПУСТИН Анатолий Яковлевич, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: kapustin@izak.ru

В статье рассматриваются роль и функции международного права в условиях трансформации современного миропорядка. Дается краткая характеристика основных особенностей современных международных отношений, показано значение международного права в поддержании международного правопорядка. Анализируются соотношение и взаимодействие международной политики государств и международного права, его научные школы, исследующие соотношение международного права и внешней политики. В связи с этим привлекается внимание к проблеме легитимности международного права и сформировавшегося международного правопорядка. Даны оценка вызовам легитимности международного права и ее отражение в современной международно-правовой науке.

Ключевые слова: международное право, современный миропорядок, международный правопорядок, внешняя политика и дипломатия, реалистическая школа международного права, легитимность нормативная и социологическая, легитимность международного права, космополитический формализм, трансквилизационная перспектива.

INTERNATIONAL LAW IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF CONTEMPORARY WORLD ORDER

A. Ya. KAPUSTIN, first deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: kapustin@izak.ru

The article discusses the role and function of international law in the transformation of the modern world order. A brief description of the main features of international contemporary international relations and the role of international law in maintaining international legal order is given. The relationship and interaction of international policies of States and international law is examined. Scientific schools of international law exploring the relationship of international law and foreign policy are analyzed. In this regard, the author draws attention to the problem of the legitimacy of international law and established international legal order. The assessment of challenges to the legitimacy of international law and its reflection in the current international legal theory is made.

Keywords: international law, the modern world order, international legal order, foreign policy and diplomacy, a realistic school of international law, normative and sociological legitimacy, legitimacy of international law, cosmopolitan formalism, transcivilizational perspective.

DOI: 10.12737/16132

Распад СССР и окончание «холодной войны», приведшие к значительной перестройке всей системы современных международных отношений, имели своим результатом исчезновение биполярного мироустройства и постепенную его замену однополюсным мировым политическим порядком, основанным на гегемонии одной сверхдержавы. Новый мировой порядок, пришедший на смену тревожной «холодной войне», несмотря на восторженные прогнозы ученых, политиков и общественных деятелей, не оправдал возлагавшихся на него надежд. Он не принес миру спокойствия, стабильности и процветания. 90-е годы XX в., ставшие эпохой торжества глобализации, способствовавшей консолидации западных стран под эгидой США, оставили противоречивый след в памяти человечества. Однополярный мировой порядок не устранил региональных и внутригосударственных вооруженных конфлик-

тов, которые сопровождались вопиющими нарушениями прав человека, вплоть до использования политики геноцида, глобализирующаяся мировая экономика не принесла благосостояния всем народам, напротив, разрыв между бедными и богатыми странами лишь усилился, штормы экономических и финансовых кризисов ослабляли развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Начало XXI в., отмеченное обострением внимания к борьбе с международным терроризмом и радикальными политическими силами, стремившимися поставить под свой контроль те или иные слаборазвитые страны или даже целые регионы, продемонстрировало хрупкость и неустойчивость миропорядка, поддерживаемого одной сверхдержавой. Мировой финансовый кризис, охвативший значительную часть развитых и развивающихся стран, сигнализировал об исчерпании возможностей глобализации.

Важнейшие события первой половины второго десятилетия XXI в. все настойчивее заставляли задуматься о «смене вех» в мировой политике, о том, что в международных отношениях начинает явственно обозначаться переход к формированию новой, полицентричной по своим характеристикам, международной системы. Ее профиль еще нечеток, его очертания окончательно не проявились, но важные изменения сложившегося в период после «холодной войны» миропорядка проявляются все настойчивее.

В результате мы наблюдаем в настоящее время усиление напряженности между отдельными государствами и их объединениями, появление новых угроз международной безопасности на глобальном и региональном уровнях. Отмечается возникновение новых очагов кровавых конфликтов, ряд из которых является результатом недальновидной политики государств, претендовавших на мировое господство.

Обострение борьбы за лидерство в международных отношениях и продвижение своих национальных интересов наиболее мощными державами вызвало широкие дискуссии о месте и значении международного права в сохранении наиболее важных достижений цивилизации, обеспечении международного мира и безопасности в условиях хрупкого равновесия сил и угрозы глобальной конфронтации. То, что в этих дискуссиях участвуют как государственные деятели различных государств, так и общественные и научные круги, наглядно свидетельствует о реальной (а не мнимой или выдуманной) роли международного права как одного из важнейших факторов, обеспечивающих мирные условия происходящих исторических перемен. Кроме того, можно предположить, что речь идет также о стремлении понять или даже (пользуясь удобным моментом) пересмотреть взгляды на сущность, значение и возможности международного права в управлении глобальными мировыми процессами.

В этих условиях трансформации современного мирового порядка наиболее существенным теоретическим вопросом становится понимание и определение социального смысла международного права. Иными словами, основная проблема состоит не только в установлении роли, отводимой международному праву в динамичных процессах, протекающих на различных уровнях международной системы, но и в самой возможности правового фактора влиять на указанные процессы. Должно ли международное право сопротивляться переменам и обеспечивать стабильность существующего миропорядка, рассматривая его как международный правопорядок, который может меняться исключительно в рамках процедур и на основе норм, уже установленных в международном праве, или же международному праву следует если не поощрять, то хотя бы не препятствовать прогрессивным трансформациям международной системы, содействуя утверждению новых принципов и институтов формирующегося миропорядка? Ответ на по-

ставленные вопросы не может быть однозначным или прямолинейным, поскольку связи международного права и мирового порядка преломляются через большой массив различных отношений, трудно поддающихся юридическому анализу.

Для более глубокого понимания внутренних свойств международного права и его места в международной системе следует упорядочить наши представления об инструментах его взаимодействия с мировым порядком. Научные представления об основах международного права и отражающие его содержание категории за последние 30 лет получили значительное развитие в западной науке международного права, которая, конечно же, не является однородной и как минимум может быть представлена европейскими и американскими международно-правовыми школами, которые по ряду фундаментальных вопросов взаимодействия международного права и регулируемого им мирового порядка имеют несовпадающие, а в ряде случаев и конкурирующие позиции.

В современной науке международного права предложено несколько подходов к пониманию взаимодействия международного права и международной системы, которая остается по-прежнему преимущественно межгосударственной, хотя все более активную роль в создании и особенно реализации норм международного права начинают играть так называемые негосударственные субъекты (международные организации, как межправительственные и наднациональные, так и неправительственные организации)¹. Общепринято, что своих целей в международных отношениях государства достигают путем осуществления внешней политики и дипломатии, соответственно, необходимо выстроить цепочку взаимодействия политики и дипломатии государств с международным правом, результатом этого становится уровень развития и устойчивости международного правопорядка.

Международное право и международная (или внешняя) политика государств всегда находились в определенном напряженном взаимодействии, причины которого не всегда лежат на поверхности. Отчасти это объясняется историческими обстоятельствами формирования международного права и международного сообщества, отношения в котором урегулированы международным правом, но не исключительно, а главным образом. Не меньшее влияние на характер указанного взаимодействия оказывают и объективные условия существования и развития отдельных государств, географических регионов или полити-

¹ В западной литературе утверждается термин «негосударственные акторы», имея в виду, что «актор» (действующее лицо) не всегда может быть субъектом международного права, но, безусловно, он признается активным участником международных отношений, в том числе и отношений с государствами (см.: *Alston Ph. Non-State Actors and Human Rights. Oxford, 2005*).

ко-идеологических сообществ, приобретшие четкие международно-правовые форматы или не имеющие таковых. В узком смысле этого слова внешняя политика — это всегда политика определенного государства², что не мешает ей быть настолько изменчивой, насколько это соответствует национальным интересам этого государства и политической конъюнктуре конкретного исторического момента. Наряду с этим в работах юристов встречается и иное наполнение смыслом данной категории, например, когда предметом рассуждений становятся взаимоотношения политики и права (международного права). В этом смысле политика и право выступают элементами более широкого понятия — международного сообщества или одного из его проявлений, которое можно определить как международную политическую систему³.

Соответственно, поведение государств и международных организаций в международной политической системе можно охарактеризовать с юридической точки зрения как соответствующее международному праву, когда ее акторы придерживаются установленных норм, во всяком случае наиболее фундаментальных, свидетельствующих о сохранении международного правопорядка. Но в условиях перемен нередко встречаются ситуации, когда поведение акторов идет вразрез с установлениями международно-правовых норм.

В научной литературе отмечается, что не следует отождествлять теоретические подходы к международному праву, распространенные в западной науке, с позицией политического руководства западных держав, которые могут квалифицироваться как близкие или совпадающие с соответствующими теориями международного права и международных отношений. Политические деятели если не всех, то во всяком случае западных государств, занимающих ли-

дирующие позиции в мире, проводят четкую грань между политикой и международным правом при решении конкретных международных проблем.

Так, например, бывший госсекретарь США Д. Ачесон, полемизируя с точкой зрения о международной противоправности американского «карантина», установленного в 1962 г. в отношении Кубы, утверждал, что «многое из того, что называется международным правом, является совокупностью этической дистилляции и нужно заботиться о том, чтобы не перепутать эту дистилляцию с правом... Я должен заметить, что оценка уместности кубинского карантина не есть правовой вопрос. Власти, позиции и престижу США был брошен вызов другим государством, и право просто не имело отношения к решению таких вопросов власти»⁴. По мнению исследователей, Д. Ачесон разделял позиции «реалистической школы», низводя международное право до совокупности исключительно морально-этических норм.

В этом отношении ученые — сторонники доктрины «реализма» в международном праве и международных отношениях, также утверждавшие примат политики над правом в международных отношениях, все же не опускались до столь откровенного правового нигилизма. Так, Э. Х. Карр и Г. Моргентау, признаваемые классиками научной школы «реализма», были далеки от стремления решительно отвергать международное право. На самом деле они признавали, что международное право было «настоящим правом», однако игравшим весьма ограниченную роль в мировой политике, всегда уступающим позиции преобладающей реальности силы⁵. По словам Э. Х. Карра, международное право было «правом неразвитого, не полностью интегрированного сообщества, обязанного больше своей отличительной особенностью децентрализованному характеру международного сообщества»⁶. При этом автор видел причину слабости международного права в отсутствии судебной, законодательной и исполнительной властей в международном сообществе. Оба ученых подчеркивали неиз-

² В советской международно-правовой науке долгое время господствовал классовый подход к пониманию политики, содержание которой определялось борьбой за власть между различными классами (см.: *Левин Д. Б.* Международное право, внешняя политика и дипломатия. М., 1981. С. 4). В эпоху перестройки этот тезис стал подвергаться сомнению и было высказано предположение, что эта позиция явилась результатом не критического, механического перенесения «формулы марксизма о том, что всякая политическая борьба есть борьба классовая, на сферу межгосударственных отношений». На самом деле «в межгосударственных отношениях действуют государства, а не классы, и классовая природа государств — только часть характеристики этих отношений» (*Блищенко И. П., Солнцева М. М.* Мировая политика и международное право. М., 1991. С. 115).

³ Американский юрист Л. Хенкин считает, что «право — это нормативное выражение политической системы». Более того, он утверждает, что право и есть политика (см.: *Henkin L., Pugh R. C., Schachter O., Smith H.* International Law. St. Paul, 1993. P. 1).

⁴ Цит. по: *Armstrong D., Farrell T., Lambert H.* International Law and International Relations. 2nd ed. Cambridge, 2012. P. 16.

⁵ На это в свое время обратил внимание профессор Г. И. Тункин, критиковавший Г. Моргентау за то, что тот изображал международное право примитивным (см.: *Тункин Г. И.* Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 96). Однако эта точка зрения Г. Моргентау, которого называли «разочаровавшимся юристом-международником», скорее всего, была результатом односторонности его образования, признающего самой совершенной систему общего права. Так, Г. Моргентау считал тремя главными функциями «эффективности любой правовой системы» наличие обязательной юрисдикции, иерархию юридических решений и применение доктрины прецедента (*stare decisis*) (см.: *Armstrong D., Farrell T., Lambert H.* Op. cit. P. 16).

⁶ Ibid.

бежность того, что международное право отражает интересы наиболее мощных государств, кроме того, есть государства, которые оно в наименьшей степени может сдерживать. В качестве наиболее впечатляющего примера Э. Х. Карр ссылаясь на то, что даже норма *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), которую многие ученые-юристы рассматривают как фундаментальную для всей международно-правовой системы, существенно ограничивалась принципом *rebus sic stantibus* (неизменность обстоятельств), который, по его мнению, предоставляет государствам свободу выходить из договоров, ссылаясь на *rebus sic stantibus*⁷.

Очевидно, что теоретическая уязвимость данной концепции состоит в том, что она значительно снижает роль международного права в поддержании международного правопорядка, поскольку допускает примат национальных интересов над международным правом. Подобная точка зрения делает весьма уязвимой возможность сохранения международного правопорядка в условиях перехода лидирующих позиций от одних государств к другим, чего нельзя допустить даже чисто гипотетически. Соответственно, примат силы или политики силы над правом может обернуться крупным глобальным конфликтом, потому что никто добровольно не станет сдавать свои позиции, дающие большие преимущества в международном плане, а обращение к праву будет выглядеть проявлением слабости, а не силы.

Нельзя не отметить и более циничного отношения к использованию во внешней политике государств международно-правового обоснования своего поведения. Речь идет о ситуациях, когда государства используют международно-правовые аргументы в своих международных отношениях не по причине их убежденности в применимости соответствующей правовой нормы, а с целью расширения арсенала средств, используемых для защиты своих национальных интересов. Так, по признанию известного американского юриста Э. Д'Амато, прежде чем США отказались продолжить участие в судебном процессе в Международном суде ООН в деле по жалобе, поданной Никарагуа (дело о военных и полувоенных действиях США против Никарагуа), он в качестве представителя США вначале использовал в основном международно-правовые аргументы. В их числе он ссылаясь на «неотъемлемое право на самооборону» и обосновывал отсутствие компетенции Международного суда ООН тем, что данное дело вовлекает скорее политические, а не правовые вопросы, следовательно, оно

должно рассматриваться в Совете Безопасности ООН, а не в Суде. Впоследствии он признался, что политика США была направлена на свержение сандинистского правительства в Никарагуа, что было очевидным нарушением одной из основополагающих норм международного права — принципа невмешательства во внутренние дела государств.

Подобный селективный подход к соотношению международного права и международной политики получил неожиданную реакцию в теоретических дискуссиях о роли международного права в международных отношениях через включение в арсенал научных оценочных средств категории «легитимности», которая, по мнению американского исследователя А. Бучанана, имеет как социологическое, так и нормативное значение⁸. По его мнению, какой-либо социальный институт, который пытается управлять, является легитимным в нормативном смысле только тогда, когда он имеет «право на управление». В социологическом смысле легитимность института является вводящим в заблуждение способом утверждения о том, что широко распространено мнение о праве института на управление⁹. Различие, проводимое между обоими смыслами легитимности, с юридической точки зрения весьма незначительно, поскольку и общественное мнение о наличии у какого-либо субъекта права управлять международными делами, и отсутствие четкости в понимании того, кто же юридически способен наделить какой-либо институт таким правом управления, одинаково ущербны с позиций теории. Мнения большинства (государств или негосударственных акторов) для формирования той или иной нормы международного права явно недостаточно, равно как и отсутствие специального органа, обладающего высшей властью в международных отношениях, делает призрачным возможность надлежащего обоснования наделения кого бы то ни было тем или иным субъективным правом на управление международными делами.

Понятие, да и понимание легитимности (нормативной¹⁰ и социологической) внутренне противоречиво,

⁸ См.: Buchanan A. The Legitimacy of International Law // Besson S., Tasioulas J. The Philosophy of International Law. Oxford, 2010. P. 79.

⁹ Ibid.

¹⁰ В Большом юридическом словаре отмечается, что нормативная легитимность (легальность, законность) характеризуется формальным соответствием социального порядка законам страны, в то время как легитимность социального порядка связывается с его фактической значимостью для людей, проявляющейся в их поведении (см.: Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1999. С. 336). В свою очередь, в социологической энциклопедии утверждается, что легитимация утверждает политику и власть, объясняет и оправдывает политические решения, создание политических структур, их изменение и об-

⁷ Очевидно, Э. Х. Карр имеет в виду Г. Кельзена и его сторонников, когда говорит о значении доктрины «основной нормы» для системы международного права, которая подверглась в свое время справедливой критике (см.: Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М., 2000. С. 192—198). В науке существует много иных подходов к определению природы международного права.

и еще предстоит оценить, насколько оно применимо к международному праву как социальному феномену. Международное право является нормативным явлением и, как указывалось, связано с международной политикой и в этом смысле может влиять на формирование международного правопорядка или его изменение. Однако международное право само по себе управлять социальными процессами (в том числе политическими) не в состоянии, оно выступает лишь средством, которое могут использовать субъекты международного права для формирования международного правопорядка.

А. Бучанан исходит из того, что законы, как и правовые институты, могут считаться легитимными или нелегитимными, при том что институциональная легитимность является первичной. При этом легитимность отдельных законов (норм международного права) или всего «корпуса права» (системы международного права в целом) зависит от легитимности институтов, которые разрабатывают, толкуют и применяют законы (нормы международного права)¹¹.

Соответственно, международно-правовые нормы являются легитимными только в том случае, если институты, которые их разрабатывают, являются легитимными. Институтом он предлагает считать постоянный образец организованного, самоуправляемого, скоординированного поведения¹². С учетом этого он выделяет три вида институтов международного публичного права: правотворческие институты, институты обычного международного права и институты глобального управления, которые включают разнообразные образования от ВТО, Совета Безопасности ООН до Киотского протокола. Подобное хаотичное нагромождение различных явлений международных отношений позволяет ему заключить, что в настоящее время нет ничего, что приближало бы к адекватной теории легитимации международного права¹³. Вывод сам по себе не оригинален, хотя подобный взгляд на легитимность международного права не является единственным в науке.

По мнению А. Бучанана, легитимность международного права сталкивается с пятью главными вызовами. Первый из них исходит от самих государств. Часто можно встретить утверждение, что отдельные между-

народно-правовые институты, такие как Совет Безопасности ООН или ВТО, или даже международный правопорядок в целом контролируются горсткой мощных государств, что несправедливо ставит в невыгодное положение слабые государства. Проблема соотношения легитимности правопорядка и его справедливости, конечно, существует, но вряд ли стоит противопоставлять эти различные категории. Легитимность в нормативном смысле — это политико-правовая категория, позволяющая определять степень созревания необходимых перемен. В то же время справедливость — это морально-этическая категория, выражающая представления о должном различных социальных слоев, включая и государства, разделяющие соответствующие взгляды. Понятие справедливости или несправедливости может повлиять на признание легитимности международного правопорядка, а вот легитимность не может воздействовать на справедливость правопорядка таким же образом, первичность морально-этических оценок очевидна и в международных отношениях.

Второй вызов легитимности международно-правовых институтов, по мнению ученого, состоит в ограничении возможности признания легитимности лишь государствами, в то время как индивиды или негосударственные группы (коренные народы, национальные меньшинства и т. д.) не в состоянии обеспечить свои легитимные интересы, что достаточно серьезно и часто угрожает их благополучию. С этой точки зрения несправедливость международно-правовых институтов в отношении отдельных государств волнует лишь настолько, насколько она проявляется в несправедливости этих институтов в отношении индивидов или негосударственных групп, угрожающей их благополучию¹⁴. Соглашаясь в принципе с тем, что легитимность международного права зависит от обеспечения интересов не только государств, но и отдельных индивидов, а также различных групп и общностей, не имеющих правосубъектности в международном праве, все-таки нельзя не видеть, что международное право стремится поставить их под свою защиту. Это проявляется как в формировании международного права прав человека, имеющего соответствующие международные контрольные и мониторинговые механизмы, так и в стремлении к установлению международных механизмов защиты групповых прав. Можно утверждать о недостаточности или слабости соответствующих механизмов, но этот вопрос детерминирован согласительной сущностью современного международного права, которое не может иметь больше возможностей, кроме тех, на которые соглашаются государства. Любые призывы к достижению «некоторого уровня глобальной демократии»¹⁵ малопродуктивны, если они не базируются

новление. Она призвана обеспечивать повиновение, согласие без принуждения, располагать к доверию, поскольку легитимная власть и политика авторитетны. Соответственно легитимацию не следует путать с юридической легальностью, т. е. конституционной и иной законностью. Легитимация политического явления не означает его юридически оформленной законности (см.: Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Национальный общественно-научный фонд / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М., 2003. С. 552).

¹¹ См.: Buchanan A. Op. cit. P. 79—80.

¹² Ibid.

¹³ Ibid. P. 80.

¹⁴ См.: Buchanan A. Op. cit. P. 86.

¹⁵ Ibid.

ся на согласии государств как фундаментальной основе международного правопорядка.

Третий вызов легитимности фокусируется на способности международно-правовых институтов действовать в соответствии с целями и процедурами, которые им предписаны международным правом. Например, встречается утверждение, что непринятие Советом Безопасности ООН решения об осуществлении вооруженной интервенции для прекращения политики геноцида или других форм массовых уничтожений людей является грубым нарушением им своей функции, что подрывает его легитимность. Равным образом, институт может считаться нелегитимным, если он в своей деятельности допускает на постоянной и длительной основе проявления коррупции, что имело место при реализации ООН известной программы «Нефть в обмен на продовольствие» в Ираке, когда был поставлен вопрос о легитимности Секретариата ООН, ответственного за реализацию этой программы¹⁶.

Вопрос об отсутствии реакции Совета Безопасности ООН на совершение международных преступлений (геноцид, агрессия, военные преступления и т. д.) вне всякого сомнения является ключевым для обеспечения уверенности государств в справедливости и устойчивости международного правопорядка. Однако постановка проблемы в данной плоскости вряд ли правильна, поскольку возможность непринятия решения Советом Безопасности вполне правомерна с точки зрения процедуры его работы, разработанной в соответствии с положениями Устава ООН. Это сделано потому, что Совет Безопасности принимает политические, а не юридические решения по вопросам, которые бывают предметом острых политических разногласий, и во избежание глобального конфликта Устав ООН предусматривает такую возможность. Вместе с тем Устав ООН не призывает к «замораживанию» проблемы, напротив, он обязывает государства продолжить поиск мирных средств урегулирования проблемы, по которой не принято решения. Кроме того, в современной международно-правовой системе появились органы, прежде всего Международный уголовный суд, которые имеют полномочия по расследованию подобных ситуаций и принятию некоторых мер по воздействию на нарушителей международного права. В любом случае попытки поставить под сомнение легитимность ключевых для международной безопасности институтов и процедур чреватой серьезной угрозой легитимности всего международного правопорядка.

Четвертый вызов легитимности международно-правовых институтов, как считает А. Бучанан, состоит в том, что все или некоторые из таких институтов пытаются поставить под контроль власть государств или, как вариант этой точки зрения, реализацию в нем принципов демократии. Он различает два

способа проявления этого вызова. Первый, менее радикальный вариант, когда некоторые международно-правовые институты так серьезно вторгаются во внутренние дела государства, что становятся сами нелегитимными, хотя при этом в принципе не оспаривается несовместимость международного права и суверенитета государства или суверенитета демократий. Автор не раскрывает, какие именно институты он имеет в виду, но судя по всему речь идет о деятельности наднациональных организаций, например Европейского Союза, который расширяет сферу своих полномочий. Пример действий Европейского Союза в отношении финансового кризиса в Греции в 2015 г. весьма показателен в этом отношении. Россия неоднократно протестовала против действий НАТО на Балканах, которые также были за гранью какой-либо легитимности.

Второй способ, более радикальный, проявляется в том, что верховенство международного права является несовместимым в принципе с суверенитетом или с демократическим конституционным суверенитетом государства. Согласно мнению его сторонников, международно-правовые институты, требующие верховенства своих норм над национальными правовыми системами, являются нелегитимными, по меньшей мере в отношении конституционных демократий, потому что по определению верховным правом государства в конституционной демократии является право, которое таковым признает его конституция¹⁷. Данная точка зрения не вызовет каких-либо возражений у здравомыслящего юриста, потому что на данном этапе развития человечества именно в конституции каждое государство определяет пределы своего суверенитета и отношение к международному праву в своей национальной правовой системе, а также способы имплементации международного права.

Пятый и последний вызов легитимности международного права американский ученый видит в том, что международно-правовые институты сами по себе не являются демократическими. Если «демократия» в данном случае отождествляется с внутригосударственной концепцией, предполагающей периодические электоральные процессы на основе равенства голосов их участников, то многие теоретики согласны в том, что демократия (в этом индивидуально-мажоритарном смысле) на глобальном уровне в настоящее время невозможна, ее вероятность можно ожидать лишь в отдаленном будущем. Вместо того чтобы признать невозможность демократической легитимности международно-правовых институтов в принципе, некоторые ученые утверждают, что они могут быть легитимными в той степени, в какой они соответствуют основным демократическим ценностям (или принципам), которые характеризуют индивидуально-мажоритарную демократию в случае

¹⁶ См.: Buchanan A. Op. cit. P. 86.

¹⁷ См.: Buchanan A. Op. cit. P. 86.

государства¹⁸. Вопрос о демократическом дефиците существующего международного правопорядка, ведущем к утрате его легитимности, является примером типичного софизма, поскольку фундаментальные принципы международного правопорядка и правопорядка отдельных государств разнятся не в разы, а в сотни раз. То, что американская международно-правовая наука в самых различных целях достаточно часто эксплуатирует концепцию демократии применительно к международным отношениям, не является таким уж большим секретом, однако вряд ли это будет убедительным аргументом в пользу отсутствия легитимности международного правопорядка. Демократизация международных отношений бесспорно является насущной задачей современной повестки дня, но она не имеет ничего общего с игнорированием суверенитета государств и народов, навязыванием «идеальных» образцов демократического устройства. Международное право признает за государствами право свободно выбирать свои политические, экономические и правовые системы, и любые попытки свести его на нет не могут получать ни одобрения, ни тем более поддержки.

Если же обратиться к более широкому взгляду на проблему легитимности международного права, которая становится сверхактуальной в периоды трансформации международной политической системы, то можно выделить несколько теоретических подходов западной науки международного права к ее решению. Первый, описанный выше, подход англо-американской научной традиции, чаще всего склоняющийся к реалистической школе, утверждает превосходство политики силы, обеспечиваемой военным или экономическим доминированием¹⁹. Второй подход более характерен для юристов-международников континентальной Европы, опирающихся на методологию космополитического формализма. Он состоит в утверждении плюрализма универсального между-

народного правопорядка, поддерживаемого деятельностью международных институтов, имеющих высокий моральный авторитет²⁰.

Наконец, имеется третий концептуальный подход, частично опирающийся на конструктивизм, признающий творческий потенциал социальных функций международного права и призывающий преодолеть западно-центристский подход к оценке легитимности международного права. Он исходит из того, что в современных условиях наряду с политическими, экономическими факторами надо принимать во внимание социальные, культурные и исторические, что позволит не только предложить транснациональную или любую иную западную интерпретацию развития международного права, но и увидеть трансквилизационную перспективу. Подобная перспектива позволит международному праву обрести необходимую степень легитимности, если государства будут прислушиваться к голосам народов всего мира и понимать ценности, добродетели, культуру и религию этих народов²¹.

Последний подход выглядит более предпочтительным, поскольку он исходит из необходимости формирования международного правопорядка многополярного мира. Вместе с тем он представляется несколько утопичным, так как не предлагает реальных путей перехода к новому мироустройству на основе международного права. Конечно, нельзя недооценивать его критический потенциал и правильность долгосрочных целей. По нашему мнению, творческий потенциал международного права может быть реализован не только через его более широкое распространение и увеличение знаний о нем у широкой мировой общественности, но и через укрепление его основополагающих начал и создание механизмов для их безусловного соблюдения всеми без исключения государствами.

¹⁸ См.: Buchanan A. Op. cit. P. 87.

¹⁹ См.: Orford A. Constituting Order // Crawford J., Koskeniemi M. International Law. Cambridge, 2012. P. 272.

²⁰ См.: Sellers M. N. S. Parochialism, Cosmopolitanism and the Foundations of International Law. Cambridge, 2012. P. 16—39.

²¹ См.: Onuma Ya. A Transcivilizational Perspective on International Law. Leiden, 2010. P. 174—202.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Alston Ph. Non-State Actors and Human Rights. Oxford, 2005.
 Armstrong D., Farrell T., Lambert H. International Law and International Relations. 2nd ed. Cambridge, 2012.
 Buchanan A. The Legitimacy of International Law // Besson S., Tasioulas J. The Philosophy of International Law. Oxford, 2010.
 Henkin L., Pugh R. C., Schachter O., Smith H. International Law. St. Paul, 1993.
 Onuma Ya. A Transcivilizational Perspective on International Law. Leiden, 2010.
 Orford A. Constituting Order // Crawford J., Koskeniemi M. International Law. Cambridge, 2012.
 Sellers M. N. S. Parochialism, Cosmopolitanism and the Foundations of International Law. Cambridge, 2012.
 Блищенко И. П., Солнцева М. М. Мировая политика и международное право. М., 1991.
 Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1999.
 Левин Д. Б. Международное право, внешняя политика и дипломатия. М., 1981.
 Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1: Национальный общественно-научный фонд / рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М., 2003.

Тункин Г. И. Право и сила в международной системе. М., 1983.

Тункин Г. И. Теория международного права / под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М., 2000.

REFERENCES

Alston Ph. Non-State Actors and Human Rights. Oxford, 2005.

Armstrong D., Farrell T., Lambert H. International Law and International Relations. 2nd ed. Cambridge, 2012.

Buchanan A. The Legitimacy of International Law. Besson S., Tasioulas J. The Philosophy of International Law. Oxford, 2010.

Henkin L., Pugh R. C., Schachter O., Smith H. International Law. St. Paul, 1993.

Onuma Ya. A Transcivilizational Perspective on International Law. Leiden, 2010.

Orford A. Constituting Order. Crawford J., Koskeniemi M. International Law. Cambridge, 2012.

Sellers M. N. S. Parochialism, Cosmopolitanism and the Foundations of International Law. Cambridge, 2012.

Blishchenko I. P., Solntseva M. M. Mirovaya politika i mezhdunarodnoe pravo. M., 1991.

Bol'shoi yuridicheskiy slovar' / pod red. A. Ya. Sukhareva, V. D. Zor'kina, V. E. Krutskikh. M., 1999.

Levin D. B. Mezhdunarodnoe pravo, vneshnyaya politika i diplomatiya. M., 1981.

Sotsiologicheskaya entsiklopediya: v 2 t. T. 1: Natsional'nyy obshchestvenno-nauchnyy fond / ruk. nauch. proekta G. Yu. Semigin; gl. red. V. N. Ivanov. M., 2003.

Tunkin G. I. Pravo i sila v mezhdunarodnoy sisteme. M., 1983.

Tunkin G. I. Teoriya mezhdunarodnogo prava / pod obshch. red. L. N. Shestakova. M., 2000.